

УДАР МОЛНИИ

ДНЕВНИК КАРСОНА ФИЛЛИПСА

Крис Колфер

Перевод с английского Марии Шмидт

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Мелиссе Шволоу, Микендре Маккой, Дженни Херрик и Морин Багдасарян. Без вас я в старшей школе не выжил бы точно.

И еще: всем президентам и руководителям писательских и драматических кружков, творческих организаций, дискуссионных клубов и клубов риторического искусства, редакторам школьных газет и литературных журналов, – всем, кто заслуженно добивается успеха, но кого не ценят по достоинству... Эта книга для вас!

30 сентября

Дорогой дневник,

Еще один школьный год с этими кретинами — и я свободен. Почти двадцать лет я планировал это и наконец с гордостью могу сказать, что до моего долгожданного отъезда из Кловера осталось всего несколько дней. Точнее, триста сорок пять, но какая разница?

Уже через год я буду сидеть у себя в комнате в общаге Северо-Западного университета и конспектировать дорогуший учебник под названием «История...», ну, в общем, история чего-нибудь там. Буду жить на одной растворимой лапше и пить «Ред Булл» литрами. Спать буду, спасибо если часов по пять, и то, если не придется орать на соседа по комнате, чтобы он сделал свою порнушку потише.

Да, звучит не слишком радужно, но для такого ботаника, как я, это просто рай. Рано или поздно все мои страдания окажутся не зря.

Это, конечно, не такая уж и тайна, я ведь всем подряд ее разбалтываю (отчего люди обычно быстро сливают-

ся из разговора), но однажды я надеюсь стать самым юным внештатным журналистом, которого напечатают в «The New York Times», «The Los Angeles Times», «The Chicago Tribune», «The Boston Globe», а в конце концов я доберусь до «The New Yorker» и буду там редактором.

Знаю, планов громадье, так что не спешите, постарайтесь сначала все переварить. Если вам кажется, что это слишком, просто задумайтесь, каково мне самому каждый день шаг за шагом идти к своему будущему. Да я с ног сбиваюсь!

Через десять лет, если все пойдет по плану, дела у меня будут гораздо лучше. Я прямо вижу, как у себя в нью-йоркской квартирке редактирую свою еженедельную колонку в «The New York Times». Буду жить на одной тайской еде и пить красное вино бутылками. Спать буду часов по десять, даже если придется орать на соседа, чтобы он сделал свою порнушку потише.

Да, верно, мне осталось пережить в старшей школе еще целый год, выпускной к тому же. И я понимаю, что в Северо-Западный университет меня еще даже не приняли, но это все формальности. И, к слову, я прекрасно знаю, что Северо-Западный не рассылает письма о предварительном зачислении до 15 декабря.

Но уверен, они испугаются, что я решу поступить куда-нибудь еще, и сделают для меня исключение. Мое письмо о зачислении совершенно точно уже едет ко мне, и я заполучу его совсем скоро... ведь правда же?

Очень может быть, что я подал заявление раньше всех. Полночи не спал, чтобы успеть отправить его сразу же, как только в шесть утра по чикагскому времени откроется сайт приемной комиссии. Теперь остается только ждать... а я терпением никогда не отличался.

Не представляю даже, с чего они могут мне отказать. Достаточно посмотреть мой табель успеваемости, чтобы понять, что я очень либерально настроенный молодой человек, живущий в жестоком, непокорном мире и жаждущий спасения в образовании. Можно сказать, настоящий алмаз в коровьей лепешке.

А еще я на одну шестнадцатую индеец и на одну тридцать вторую афроамериканец (ну ладно, признаю, доказать это у меня не получится). Да я же просто идеальный кандидат!

Если и это не поможет, моя школьная карьера все скажет сама за себя. С девятого класса мой средний балл — вполне себе солидные 4,2. С десятого класса я — единоличным редактором газеты «Хроники школы Кlover», а после уроков даже ухитряюсь держать на плаву кружок писателей, хотя он, по-моему, давно мо-

лит о милосердной смерти.

Неплохо для парня в городишке, где не услышишь вопроса умнее, чем «Так что, съест он эти зеленые яйца с ветчиной или нет?»¹.

Шучу (почти). Честно, мне не хочется прямо уж поносить свой город, наверняка Кловер чем-нибудь да хорош... но что-то ничего хорошего в голову не приходит.

В Кловере у людей нет ни денег, ни мозгов. Это маленький, старомодный городок, и большинство жителей так и собираются остаться здесь до самой смерти. Мне всегда хотелось иного, и меня прилюдно за это порицали. Я стал белой вороной просто потому, что хочу уехать.

Уж извините, как-то не тянет меня расхваливать город, в котором самое людное место — парковка возле забегаловки «Тако-Белл» субботним вечером. И хотя нигде больше мне жить не доводилось, уверен, нормальные люди в шестнадцать лет на день рождения не развлекаются тем, что сбивают с ног бедных спящих коров, чтобы те потом не могли встать.

¹ Речь о детской книге Доктора Сьюза «Зеленые яйца с ветчиной», состоящей всего из 50 разных слов, написанной очень простым языком и предназначенной для тех, кто еще только учится читать — *Здесь и далее примеч. перев.*

Когда здесь построили первый кинотеатр, люди окончательно съехали с катушек. Мне тогда было всего три, но я до сих пор помню, как они рыдали от счастья и кувыркались по улице, делая колесо. Очередь на фильм «Вам письмо» выстроилась вокруг всего города.

Не дай бог еще и аэропорт откроют — этак и до ритуальных самоубийств дойдет.

Да, грубовато, но это потому, что я один из тех самых школьников, что находятся в самом низу пищевой цепочки. Тех, над кем постоянно потешаются, кого презирают, кто всех вокруг бесит, кому, скорее всего, закидают машину навозом (да, такое правда было), и моя жизнь до сих пор не превратилась в унылый сериальчик для школьников только потому, что мне начхать. Не устану повторять: в этом городе полно идиотов!

Каждый раз, когда мои друзья по переписке из чатов и с форумов Северо-Западного универа спрашивают: «Где находится Кlover?», я обычно вынужден отвечать: «В заднице мира». И это еще мягко говоря.

Давайте начистоту: поезжайте в самую захолустную глухомань на свете, поверните налево — и за углом найдете Кlover. У дороги висит табличка, на которой сказано, что обитают здесь почти десять тысяч человек, и, проезжая мимо, нельзя не задуматься, кто вообще станет жить в такой дыре. Если вам правда

интересно, пожалуйста: вот этот самый чмошник. То есть я, Карсон Филлипс, на случай, если я еще не успел представиться как следует.

Я как-то читал, что все великие писатели были несчастливы на родине. Видимо, я в их числе. Но не стоит позволять своим корням затянуть тебя в трясины. Нельзя выбрать, откуда ты, но куда отправишься, решать только тебе (неплохой афоризм получился, надо запомнить, а то вдруг я когда-нибудь получу почетную докторскую и нужно будет говорить речь).

Но все это лишь придает мне сил. С восьми лет меня спрашивают: «Кем хочешь стать, когда вырастешь?». Каждый раз я отвечаю: «редактором “Нью-Йоркера”», и каждый раз люди смотрят на меня так, будто я сказал «истребителем драконов» или «гольфистом-трансвеститом». И тем самым еще на шаг подталкивают меня к воображаемой двери с табличкой «Выход».

Возможно, именно поэтому я так быстро невзлюбил Кlover. Раз за разом меня затыкали недоумки, просто неспособные широко мыслить, — особенно в начальной школе, где в маленьких городках человеку начинают промывать мозги прежде всего.

Помню, в первом классе мы проходили вычитание.

— Когда от одного отнимают другое, как это называется? — спросила учительница.

— Воровство! — крикнул я, очень довольный собой. Формально я не ошибся, но учительница считала иначе, судя по красноречивому взгляду, которым она меня сверлила после этого еще минуты три.

В том же году у нас состоялся день Отцов-основателей, помню его как вчера. Я вышел к доске с докладом в руках — много часов его писал — и рассказал классу все, что знал.

— Большинство Отцов-основателей были скрытыми гомосексуалистами и рабовладельцами, — сказал я.

Ясное дело, договорить мне не дали.

В тот день после школы моих родителей впервые вызвали «на разговор». Это стало началом моих сложных отношений с образовательной системой.

— Ну да, он странноват, и что такого? — спросила мама учительницу.

— Миссис Филлипс, ваш шестилетний сын на уроке заявил, что Отцы-основатели Соединенных Штатов были гееми-рабовладельцами, — ответила та. — Не уверена, что подобное поведение можно назвать просто «странноватым».

— Это, наверное, я виноват, — сказал папа. — Он попросил меня рассказать ему какой-нибудь забавный факт про Отцов-основателей, ну я и рассказал.

— Он интересный факт просил, дубина! — гаркнула на него мама. — Это я ему сказала к тебе пойти! Неудивительно, что у мальчика проблемы в школе, у него же отец придурок!

— На самом деле, миссис Филлипс, — вмешалась учительница, — в первый день школы он рассказал классу, что это вы поведали ему, почему назвали его Карсоном, — потому что по телевизору показывали шоу Джонни Карсона как раз когда вы его, кгхм... делали.

Я впервые увидел, как мама громко и судорожно сглотнула.

— Ох, — сказала она. — Что ж, пожалуй, тут и впрямь моя промашка.

Именно тогда мои родители в последний раз появились на людях вместе. Как вы, вероятно, уже догадались, я еще и из тех ребят-циников, у которых нет нормальной семьи.

Только в десять лет, увидев, как общаются между собой чужие родители, я понял, что люди, оказываются, женятся по доброй воле, потому что друг друга любят. Мне всегда казалось, что это скорее такой закон — присылают тебе по почте конвертик, а в нем написано, когда, где и с кем тебе положено размножаться.

Любви у Нила с Шерил Филлипс было, как у кальмара с китом. Но те хоть делили целый океан, а мои родители — только дом в пригороде с тремя спальнями и двумя ванными.

Не сомневаюсь, что на свадьбе у них все было как-то так:

«Нил и Шерил, берете ли вы этого человека в совершенно не подходящие вам супруги, клянетесь ли всегда ругаться и спорить, в горе и в радости, но в основном в горе, в гневе и в безысходности, у психологов и терапевтов, обещаете ли бесить, а потом и ненавидеть друг друга отныне и пока вас не разлучит смерть, которая по вашей же милости и случится?».

Когда-то они, может, и любили друг друга или хотя бы так думали. Но в Кловере в определенном возрасте просто больше ничего не остается, кроме как жениться и завести детей. Идея, может, была и не очень, но от моих родителей ожидали именно этого, и они прогнулись под общество.

Мама, как могла, старалась все наладить между ними. Семейная жизнь моих родителей ездил по одним и тем же рельсам: папа недоволен, мама пытается исправить положение, папа все еще недоволен, маме надоедает пытаться, доходит до скандала — и все заново.